

Тема

И. С. Гудович,
Е. Ю. Красова

ЭТОТ ЗАГАДОЧНЫЙ ГЕНДЕР

В предыдущем номере альманаха статья О. П. Макушиной открыла разговор об отношении научного сообщества к проблеме изучения гендерных отношений. Эта тема вызвала интерес у читателей «Университетской Площади». Сегодня мы публикуем один из таких откликов и ждем продолжения дискуссии...

Ничто не вызывает такую бурю эмоций и неподдельного интереса в учебной или публичной аудитории как рассуждения о гендере. И это не удивительно. Вопросы, которые поднимает гендерная теория, в той или иной степени затрагивают разные стороны жизни двух самых больших, как сказали бы биологи, человеческих субпопуляций — мужчин и женщин. Следует, однако, сразу заметить, что термин «гендер» несет не биологическую, а социокультурную нагрузку, хотя и происходит от английского слова «gender» («пол»). Он означает совокупность социальных и культурных норм, которые общество предписывает выполнять людям в зависимости от их биологического пола. Когда говорится о «положении российской женщины», «равенстве полов в Германии», «борьбе за права женщин в США», «семейной жизни в Китае», «правилах общения в Карлетонском университете в связи с половой принадлежностью» имеются в виду так называемые социокультурные практики, которые могут быть обобщены в терминах «гендер», «гендерные отношения». Таким образом, культурно сконструированный двойник биологического пола — гендер — это специфический набор характеристик, определяющих поведение женщин и мужчин и их взаимоотношения между собой. Специалисты в области социологии и психологии обращают внимание на то, что гендер является конструктом. Это су-

ществующая в массовом и индивидуальном сознании модель окружающей реальности и поведения, которая является порождением конкретной культуры. Например, в России, как правило, к чиновникам госучреждений лучше обращаться мужчинам, а не женщинам. Так скорее и проще можно получить какую-либо справку или оформить официальный документ. Из этого простого примера видно, что люди согласны действовать в соответствии с принятыми в обществе стереотипами.

Следует иметь в виду, что государственная политика вместе с другими многочисленными факторами оказывает влияние на формирование гендера как конструкта. Это хорошо видно на примере изменяющегося отношения государства к занятости женщины в сфере общественного труда. В первые десятилетия в Советской России, когда шел бурный промышленный рост и потребность в рабочих руках все увеличивалась, на государственном уровне провозглашался один «идеал» женщины. Это была женщина-мать-труженица, активно участвующая в производстве, здравоохранении, образовании, культурном строительстве. Ближе к восьмидесятым годам, когда производственный рост замедлился, а рынок труда приблизился к насыщению, в средствах массовой информации активно заговорили о том, что женщину «нужно вернуть в семью», где она необходима и где ее роль в воспитании детей является абсолютным приоритетом. Подоб-

ную политику настойчиво проводило правительство США в последние десятилетия прошлого века. По-видимому, результатом этой политики и связанной с ней многолетней экономической зависимостью женщин является развившийся в США агрессивный феминизм, принявший карикатурные формы непримиримого противостояния женщин мужчинам.

Гендерный подход представляет собой теоретическую основу процесса оценки всех сфер жизни с точки зрения воздействия законодательства, государственных и общественных стратегий и программ на женщин и мужчин. Исходной посылкой является получение равной жизненной выгоды женщинами и мужчинами, обеспечение гендерного равенства. Процесс становления гендерно-чувствительного общественного устройства сложен, противоречив и длителен. Поэтому важной составляющей данного подхода может служить анализ гендерного порядка в обществе — иерархии отношений между мужчинами и женщинами в основных сферах жизни общества — экономике (разделения труда), политике (структуры власти), культуре (эмоциональных отношений).

Одним из основных достижений гендерной теории, бурно развивающейся в последние десятилетия прошлого века, является представление о том, что не биологический пол, а социокультурные нормы определяют в конечном счете психологические особенности, модели поведения, виды деятельности, профессии, положение на рынке труда женщин и мужчин.

Наука о гендере (гендерология) пришла к нам с Запада, развивается под сильным влиянием западного феминизма и базируется на идеях западной феминологии. Она, по существу, зародилась как теоретическое отражение и обоснование борьбы женщин за свои права в Европе и США. Это обстоятельство во многом определило направленность исследований, выделение наиболее важных, узловых, задач, расстановку акцентов и язык этой междисциплинарной области знания. На формирование современных гендерных идей решающее влияние оказал не столько феминизм как теория, сколько стремление к решению конкретных социальных задач, связанных с практическими действиями, борьбой за квотирование мест в законодательных органах, равенство в сфере трудового законодательства и в семье и т. д. Эти идеи зачастую ассоциируются с противостоянием, обострением отношений.

Собственно гендерные исследования сегодня в значительной степени ориентированы на научное обоснование такого противостояния. Отсюда — выбор тематики и подбор фактов, сюжетов, интерпретаций. Чтобы убедиться в сказанном, достаточно обратиться к названиям уже ставших классическими работ в этой области и активно развиваемых направлений исследований: «Феминистский вызов неоклассической экономической теории», «Феминистская критика языка», «Феминистская реконструкция политического знания», «Гендерная сегрегация на рынке труда» и т. д. Следует отметить, что борьба за права женщин в западных странах до самого последнего времени имела и имеет там реальную почву. Так, например, женщины Швейцарии впервые получили право избирать народных представителей только в 1971 году. Однако в некоторых швейцарских кантонах женщины не имели права голоса на местных выборах и после 1971 года. Последним кантоном, уравнившим женщин в правах с мужчинами в 1991 году, стал Аппенцель-Иннерроден. В некоторых штатах США до последнего времени существовали ограничения на получение женщинами банковского кредита.

Сегодня мы видим явные успехи женского движения в Европе и США. Их яркое проявление очевидно в значительном количестве ключевых позиций, которые заняли женщины в политике и управлении государством. В основном путь, позволивший женщинам стать главами государств и правительств, лежал через разные виды квотирования: квоты на занятия женщинами мест в законодательных органах, партийное квотирование. Важную роль играют также специальные правительственные программы поддержки женщин.

Если проследить историю женского движения в России, то здесь картина во многих отношениях совершенно иная. Избирательные права женщины получили уже в марте 1917 года, когда Временное правительство вынуждено было пойти на этот шаг после мощной пятидесятитысячной демонстрации женщин в Петрограде. В 1918 году равенство женщин с мужчинами в политических и гражданских правах было провозглашено в первой советской Конституции. Советская Россия оказалась в то время в передовой пятерке стран мира, предоставивших женщинам право избирать и быть избранными в представительные органы власти. Таким образом, в России реальная основа для противостояния в

правовом поле отсутствует без малого на протяжении целого века. Возможно, именно это обстоятельство, с одной стороны, породило атмосферу толерантности, отсутствия жесткого противостояния и явных признаков борьбы между женщинами и мужчинами, а с другой — проявилось в более чем скромных успехах российских женщин в области вхождения в большую политику, управление государством и крупным бизнесом.

В России большее распространение со второй половины XIX века и до настоящего времени получили идеи социал-феминизма, что соответствует российской ментальности, культурным и историческим реалиям нашей страны. В отличие от либерального феминизма на Западе, философия которого базируется на принципе индивидуальной свободы и идее обеспечения равенства мужчин и женщин в публичной сфере, социал-феминизм сосредоточен на вопросах организации труда женщин, на соотношениях между оплачиваемым и неоплачиваемым трудом и т. д. Использование методологии западной феминологии в гендерном анализе российских социальных процессов проблематично, возможны существенные искажения как в отражении действительности, так и в прогнозировании динамических характеристик гендерных отношений. Практика последних лет советского и постсоветского времени делает неочевидными проблемы угнетения, осмысленные на Западе через призму опыта неработающей (экономически несамостоятельной) женщины. Более того, формальный и неформальный авторитет российской женщины в силу ряда причин, главные из которых экономические, сегодня (да и в недалеком прошлом) выше, чем авторитет женщин на Западе.

Некоторые особенности научных исследований в нашей стране (копирование западных исследовательских моделей) связаны с тем, что интенсивное развитие гендерологии российскими учеными начиналось преимущественно в Москве и Санкт-Петербурге. По сравнению с российской глубиной социокультурные практики в этих мегаполисах ближе к западным. Это обстоятельство также способствовало смещению акцентов в постановке задач, выборе понятий и интерпретации результатов статистических исследований. Наиболее яркие проявления вышеперечисленной специфики развития гендерологии в России обнаруживаются в гиперболизации значимости категории «пол», публичности большой

части работ в ущерб анализу, гарантирующему научную достоверность, ангажированности ряда результатов, а также в наличии просто поспешных и потому неверных выводов.

Гендерные исследования являются логическим продолжением женских исследований. Ядром последних, в отличие от многовековой, преимущественно мужчинами развиваемой «философии полов», является жизненный опыт женщин, включенных в социальную и культурную действительность. Если для женских исследований главная задача состояла в представлении информации от женщин и о женщинах, чтобы таким образом создавать фундамент для новых теоретических построений, то задача гендерных исследований начинается с критического анализа механизмов власти, связанных с иерархизацией.

Базисом гендерной теории является представление о том, что почти все традиционно считающиеся «естественными» различия между полами имеют под собой не биологические, а социальные основания. Эти различия конструируются в обществе через воздействие социальных институтов, норм и культурных установок. При этом с точки зрения гендерной теории не так важен сам факт различий (биологических и социальных), как их социокультурная оценка и интерпретация. Социальное воспроизводство гендерного сознания на уровне индивидов поддерживает основанную на признаке пола структуру. Воплощая в своих действиях ожидания, связанные с их гендерным статусом, люди конституируют гендерные различия и, одновременно, обуславливаемые ими системы господства и подчинения.

С начала развития женских исследований в России в 1990-х годах активно обсуждается возможность использования западных феминистских теорий для анализа российских гендерных отношений. Вопрос заключается в том, насколько адекватны схемы и подходы, разработанные при рассмотрении другой реальности. Переход от исследований женщин к гендерным исследованиям отражает развитие и смену методологии феминизма на социальный конструктивизм. Упомянутая теория опирается на понимание гендера как социально сконструированного отношения неравенства по признаку пола. В социально сконструированном мире не существует «женского» как природного и неизменного. Эта позиция отрицает наличие универсального женского взгляда и общую теорию женственности, но вместе с тем исходит из наличия группового

гендерного опыта. Для понимания отношений господства и подчинения принципиальны социальные и политические контексты, вводимые через пересечение категорий этноса, социального класса и возраста.

Несмотря на то, что методология социального конструктивизма выступает полезным инструментом анализа, российская действительность ориентирует на специфичность гендерной теоретической модели с некоторыми уточнениями и дополнениями. На наш взгляд, в гендерных исследованиях необходимо опираться на принцип гендерной толерантности, анализировать систему научных фактов во всей полноте и противоречивости с учетом сбалансированности данных. В этом случае интерпретация социальных фактов выводится за рамки методологического профиля радикального феминизма.

Публичная аудитория, где нам частенько приходится выступать, как правило, ставит знак равенства между феминизмом и гендерной теорией и практикой. Между тем такое отождествление неправомерно. Действительно, Россия XXI века в определенном смысле является наследницей государственного феминизма советского периода, который проявлялся в специальной политике в отношении женщин. Официальной идеологической программой в сфере образования и труда было равноправие полов. Вместе с тем формально-юридические изменения в статусе женщины не разрушили на практике традиционного разделения труда между полами. Российская социальная трансформация привела, с одной стороны, к обеднению населения, с другой — усилила неравенство социальных позиций и жизненных шансов женщин и мужчин. Имеет место недооценка труда в сфере искусства и литературы, образования и науки, а более 70 % занятых в этих областях — женщины. В то же самое время сверхсмертность мужчин в России уменьшает и их шансы на равенство.

Российская гендерология, наряду с проблемами, относящимися к области жизнедеятельности женщин, неоднократно ставила вопрос о том, как последствия патриархатной культуры сказались на мужчинах, на которых традиция сегодня возлагает часто неподъемное бремя единоличной ответственности за семейное благополучие. Крах сфер экономики, где мужчины играли основную роль, привел к тому, что социальный статус мужчин в значительной степени понизился. Многие из них потеряли возможность быть кормильцем

своей семьи. Проблемы современного мужчины, быть может, не менее остры и противоречивы, чем проблемы женщин. Результатом этого являются характерные сегодня для российских мужчин ранняя смертность, отторженность от семьи и детей, рост сердечнососудистых заболеваний, алкоголизма, наркомании, суицидов, преступности. Все это усугубляет и без того постоянно растущее напряжение в обществе.

Вариант реформ 1990—2000-х годов по-прежнему предполагает воспроизводство традиционных гендерных отношений (дискриминация женщин на рынке труда, в сфере принятия политических решений; показатели материнской и детской смертности; правовая незащищенность различных категорий женщин от беженок до сотрудниц частного сектора экономики, несохранное поведение мужчин, приводящее к высоким показателям смертности, и т. п.). Складывающийся гендерный порядок характеризуется появлением и новых, более тонких, вариантов социополового неравенства: сексизма СМИ, посттрадиционной патриархатности супружеских ролей, увеличения количества случаев насилия в семьях и т. п.

В массовом сознании закрепляются стереотипы маскулинности и феминности. Распространяется идеология «естественного предназначения женщины», в СМИ и рекламе эксплуатируется тема женской сексуальности. В марте 2002 года на телеканале «Культура» в цикле «Культурная революция» дважды в эфир вышла передача «Шедевр может создать только мужчина». Мнения, высказанные в передаче, получили одобрение министра культуры М. Швыдкова. После обращения группы активисток женского движения к большому жюри Союза журналистов России «Женщины против министра культуры», эксперты-лингвисты признали опасность подобного «призыва» к дискриминации.

В сфере занятости гендерная асимметрия проявляется:

— в вытеснении женщин из общественного производства (доля женщин среди официально зарегистрированных безработных составляет две трети);

— увеличении разрыва в оплате труда («женская» зарплата по стране не превышает 50 % «мужской», отрасли культуры и образования оказались в одном из самых невыгодных положений);

— снижении профессионально-карьерного статуса женщин (традиционно «женские»

профессии по праву относятся к занятиям, требующим широких знаний, навыков и квалификации, однако в должностной иерархии характеризуются низкими позициями);

— становлении женского предпринимательства (возникли «гендерные правила»: чем крупнее бизнес, тем меньше в нем женщин, чем меньше населенный пункт, тем меньше там женщин-предпринимателей).

Эти показатели отражены в материалах консорциума Независимых женских объединений (Москва, ноябрь 2003 года). В них сформулированы главные направления действий женских неправительственных организаций. Необходимо добиваться закрепления антидискриминационных норм в законодательстве, повышения оплаты труда в социальных отраслях, гендерной экспертизы законопроектов и т. д.

В перечисленных фактах и суждениях аккумулируются ростки формирования гендерной чувствительности российского общества. Они проявляются и в сфере научных разработок ученых-гендерологов.

Наибольший вклад в исследование проблем гендера в России внесли социологи, психологи и политологи. Появились новые научные направления, к примеру «психология гендерных отношений». Плодотворно разрабатывают гендерный подход такие ученые, как А. Темкина, Е. Здравомыслова, С. Айвазова, М. Малышева, О. Воронина, Е. Ярская-Смирнова, А. Кирилина, И. Клещина, Н. Римашевская и др.

В 2000 году появилось справочное издание «Гендерные исследования в России и СНГ: кто есть кто?». В 2002 году издан «Словарь гендерных терминов» с 208 полнотекстовыми статьями. На сайте библиотеки Воронежского государственного университета (<http://lib.vsu.ru>) была размещена обширная информация «Информационные ресурсы гендерного образования» (тезаурус, словарь, каталог гендерной литературы, полнотекстовые материалы). В число разработчиков этих ресурсов входят и авторы настоящей работы.

Большие научно-исследовательские и практические возможности нам принесло участие в работе общественных женских организаций: ассоциации «Женщины в науке и образовании», Воронежском городском форуме независимой женской демократической инициативы (НеЖДИ), Воронежском отделении Конфедерации деловых женщин России. В рамках женского движения в Воронеже возникли потребности в получении информации

о гендерных ролях и отношениях, складывающихся в обществе. В 1998 году изучались ценностные ориентации молодых женщин. В 2000 г. главным интересом исследователей стало само женское движение. Ставилась задача понять, насколько эффективен процесс выполнения платформы действий Пекинской международной конференции по положению женщин на региональном уровне. В 2008 году был проведен опрос экспертов по сопоставимой методике, нацеленный на анализ тенденций развития женского движения. Мониторинг 2002 года был посвящен детям. Его целью было выявление общественного мнения о влиянии и возможностях неправительственных организаций Воронежа в сфере оказания социальной поддержки детства. В 2003 году предметом изучения вновь стали ценностные ориентации молодых женщин. К тому времени демократические реформы в стране осуществлялись уже более десяти лет, женское движение подошло к своему юбилею. Выявление жизненных смыслов и средств их достижения новым поколением женщин стало поэтому весьма актуальной проблемой. В 2010 году изучались стереотипы феминности и маскулинности. Оказалось, что для массового сознания воронежцев характерна традиционность взглядов на положение и взаимоотношения полов. 26 % опрошенных полностью одобряют разделение обязанностей по гендерному признаку, а 47 % считают, что подобное разделение неизбежно. Бытуют представления о том, что «настоящий мужчина» должен быть активным, целеустремленным, способным забить гвоздь и устранить мелкие неполадки. «Настоящая женщина» должна всегда хорошо выглядеть, быть хорошей хозяйкой и примерной матерью. Однако в ответах представительницы молодого поколения прослеживается тенденция к либерализации взглядов и изменению гендерных стереотипов. Анализ особенностей женского предпринимательства в регионе проводился силами Воронежского отделения Конфедерации деловых женщин России.

В результате исследований появился банк эмпирических данных, позволивший проследить динамику региональных гендерных изменений на протяжении десятилетия. Полученные результаты систематически публиковались в научных сборниках Воронежского и Ивановского университетов, в издании НеЖДИ «Вестник женского движения», докладывались на гендерных секциях конференций ассоциации «Женщины в науке и образовании».

В заключение хотелось бы остановиться на вопросе о том, какие проблемы, принадлежащие области гендера, выдвинула перед обществом реальность последних лет. Конечно, это в первую очередь демографическая проблема, имеющая размах катастрофы. Она напрямую связана с комплексом проблем репродуктивной деятельности женщины и анализом положения женщин в современном социуме.

И последнее. У нас в настоящее время много говорят о модернизации всех сторон нашей жизни, в первую очередь экономики. Независимо от скепсиса или энтузиазма, с которыми ведется разговор на эту тему, все мы понимаем, что речь идет о единственно возможной альтернативе загниванию и вырождению. С этой точки зрения интересно проанализировать так называемый «модернизационный потенциал» женщин. Здесь есть обнадеживающие факты. Во-первых, образовательный уровень женщин выше, чем у мужчин как в группе людей, имеющих высшее образование, так и среди специалистов со средним профессиональным образованием.

Во-вторых, в условиях тотального упадка мотиваций к любым видам деятельности (включая позиции управления высокого уровня) женщины в большинстве своем продолжают оставаться относительно высокомотивированной частью общества. Мотивация женщин имеет свои корни в тревоге за качество жизни детей и будущих поколений.

В гендерной социологии были разработаны точные критерии, по которым можно судить о достижении равенства мужчин и женщин. Эти критерии укладываются в следующие направления гендерной политики:

- выравнивание возможностей для доступа представителей обоих полов к политическим институтам;
- ликвидация дискриминационной практики в области труда и занятости;
- создание системы реальных механизмов предотвращения насилия в отношении женщин;
- снижение воздействия неблагоприятных социально-экономических факторов, влияющих на здоровье и продолжительность жизни, в особенности мужчин.

